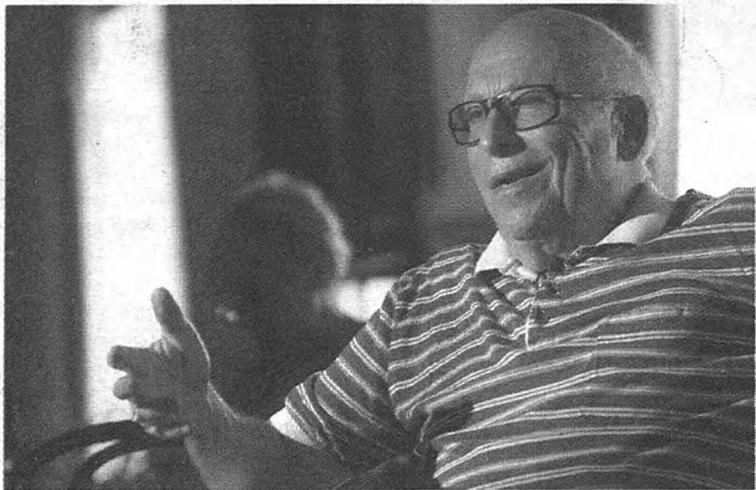

Писатель Юз Алешковский — в интервью «Газете»

«У славистов в Америке своя феня, она же — терминология»

Фотограф: Михаил Циммерлинг / Газета

бы их ненавидеть. Они капиталисты, а это — суть структуры, обеспечивающей жизнь простого человека.

А кроме Москвы с тех пор еще где-нибудь бывали?

Я прожил три месяца в Китае. Сейчас строится новый Китай, он уже практически построен — города небоскребов для полутора миллиардов рыл. Мы с женой были на востоке Китая, два иностранца в городе, за нами гонялись тысячные толпы, они нас сопровождали, ловили каждое слово. Когда я шел на рынок, это было вообще представление. Я что-то покупал, а китайцы глядели и переговаривались: смотри, вот он это берет, это берет... И очень быстро учились мату. Один раз переходили улицу, и меня задел автобус. Не больно задел, просто тронул. И я совершенно инстинктивно крикнул: «Ебитская сила!» И толпа китайцев, которая была рядом, вся крикнула хором: «Ибис-ка си-ла!» Это было очень смешно.

У вас есть сайт в Интернете. Вы сами участвуете в его поддержании?

Нет, я его не открывал ни разу и не буду открывать, мне его подарили. Я печатаю на Macintosh, но я не люблю Интернет, не хочу ни с кем по нему общаться, кроме как по делу.

Но в Сети ведь можно посмотреть что-то, что вас интересует.

Я это делаю редко, мне лень смотреть. Все-таки люблю живое слово, страницу. Я раньше смотрел, когда события в России были напряженнее, лет десять тому назад — иногда открывал «Независимую», «Известия», читал анекдоты. Но тоже редко. Я человек старинного века.

А песни вы продолжаете писать?

Нет, эта муза от меня ушла, не знаю, с кем она сейчас крутит роман. Мы с Макаревичем записали диск в Нью-Йорке. Там такой аккомпанемент, о котором я мог только мечтать, замечательно играет баян... У меня-то весь аккомпанемент был вот такой (*стучит по столу*). А в лагере я вообще не пел, а просто выл от тоски. Я счастлив, что не научился играть на гитаре. Иногда мне приходится петь, но я пою со все меньшим удовольствием.

Большинство русских писателей, живущих в Америке, так или иначе общаются с университетскими славистами. А вы с ними общаетесь? Встречали по-настоящему умных интерпретаторов?

А что, елки-палки, в Америке мало умных людей? С какого хрена она великая держава? Мне тут однажды один молодой человек сказал: мы здесь духовные, а там все бездуховные. Ну, я ему дал прохезаться, объяснил, какой он духовный. Все там есть. И философы, и поэты, не меньше, чем здесь. Только духовность там другая. Мне ближе духовность российская, но я со славистами дружу. Это дети Запада, у них академическое мышление, во многом структуралистское, у них своя феня, она же терминология. Я порой читаю их статьи о себе, иногда это даже интересно, но все равно там эта новая феня, которая, собственно говоря, не делает науки. Сейчас вышла университетская книжка — ее издали и подарили мне к семидесятипятилетию, — она так и называется: «Юз». Там собраны статьи обо мне — и Бродского, и Битова, и американцев, и французов. Рус-

ские статьи, как бы то ни было, самые интересные.

Андрей Битов высказывал мнение, что ваши вещи непереводимы. Вы с этим согласны?

Так оно и есть, и я вовсе не печалюсь. Я думаю, что плохую книгу, которая будет продаваться, мне написать труднее, чем написать хорошую. Физически не могу. Это не от того, что я хороший. Просто у меня нет такой способности. Мне с трудом давались сценарии, которыми я здесь зарабатывал. Я быстро писал сценарии только тогда, когда они были на основе моих рассказов. А с чистого листа сценарий написать — это уже мука.

А переводы, скажем, «Николая Николаевича» или других вещей на английский вы видели? Какое это производит впечатление?

Ну, а какое они могут произвести впечатление? Это... как будто передо мной положил пластмассовую женщину.

В какой-то момент вы сказали, что стали писать по-другому. Как вы считаете, ваш стиль продолжает меняться?

Одним и тем же образом я не написал ни одной книги. Чисто интонационно, по звуку «Николай Николаевич» немножко похож на «Кенгуру», хотя «Кенгуру» живописнее, сложнее и структурнее. У меня есть романы, скажем так, не без философской жилки — тот же «Перстень в футляре», там совершенно иная лексика, иной стиль, иной звук (я это все называю звуком). Так же как у художника один период синий, другой голубой, а третий красный. Двух одинаковых картин не бывает. Я стараюсь, чтобы не было двух одинаковых книг.

Почетным гостем грядущего московского книжного фестиваля станет **Юз Алешковский** — один из самых своеобразных русских писателей, культовое имя советского самиздата, автор шедеврального романа «Николай Николаевич» и знаменитой песни «Товарищ Сталин, вы большой ученый». С Юзом Алешковским, приехавшим из Америки за несколько дней до своего выступления на фестивале, встретился корреспондент «Газеты» Кирилл Решетников.

Когда вы впервые после эмиграции посетили Россию в 1988 году, какие у вас были впечатления?

У меня не было каких-то особых ожиданий, как, скажем, чего-то ожидают от курения марихуаны: выкуришь сигарету — словишь кайф. Ничего такого я не ждал. Меня поразили плачевный вид Москвы. Ты-то тогда еще был пацан, наверное, а я уже пацаном не был... Зассанные подъезды, грязь на улицах, покореженные мостовые и какое-то изуродованное вещество всего города — именно вещество. Дело даже

не в грязи, дело в вырождении вещества. Советской власти было не до мостовых, не до лампочек в подъездах, ни до чего. Приблизился ее конец, и он наступил. О том, что он наступит, я знал еще до свала, потому что у меня были знакомые, знавшие о положении в экономике, о состоянии рудников, нефтепромысла в Тюмени... Короче говоря, плачевный был вид у Москвы. Я поехал на дачу и плакал там от ужаса, от того, что все покосилось, заросло. Во всем было какое-то увядание — я это не придумал, так оно и было. Сейчас совсем другое дело. Москва потрясающе изменилась.

Меня сейчас больше всего поражает то, что раньше больше всего ругали, — резкие социальные контрасты. Помнишь анекдот про Солоухина? Ему говорят: чего ты, Володя, сидишь такой грустный? У тебя машина есть, ты себе второй «Газик» купил, дом сыну построил, дочери построил дом, сам живешь в хоромах, чего ты грустишь? А он: народ, блядь, жалко. Вот и я о том же. Я бы хотел, чтобы уровень жизни в России приблизился к западному. А тому, как живут богатеи, я никогда не завидую. Наоборот, я противник того, что-